

СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ**А.В. ОНУФРИЙЧУК***Пятигорский государственный лингвистический университет*e-mail:
alex-postbox@yandex.ru

В данной статье затронута актуальная проблема регионализации политических процессов. Рассмотрена специфика понятия «регион» применительно как к современной политической науке, так и существующей практике выделения регионов в глобальном контексте. Показаны отличительные особенности политических процессов, протекающих в Южнокавказском субрегионе.

Ключевые слова: регион, глобализация, политический процесс, Южный Кавказ, региональные конфликты, миграционные потоки, политическая элита.

Отличительными особенностями политических процессов начала XXI века являются быстрые трансформации сложившихся моделей взаимоотношений, появление новых действующих лиц, ускорение, усложнение протекания и, как следствие, сложность прогнозирования. Южнокавказскому субрегиону, появление которого стало результатом глобальных геополитических изменений, произошедших в конце XX века, все вышеперечисленные особенности присущи в полной мере.

Усиление роли отдельных регионов в политической жизни планеты при высокой степени неоднородности самих регионов является немаловажной тенденцией, протекающей параллельно с процессом глобализации. Таким образом, актуальной проблемой современной политической науки является всестороннее изучение самих регионов, механизмов реализации взаимоотношений как внутри региона, так и между его субъектами и внешними силами, т.е. изучение регионального политического процесса.

Следует отметить, что сложность рассмотрения региональных политических процессов во многом определяется отсутствием в современной науке единого подхода к трактовке самого феномена «регион».

Наиболее общим можно представить определение региона как «большой области, группы соседствующих стран или территории, районов, объединенных по каким-либо общим признакам»¹. В этнологическом словаре приводится более широкая трактовка: «регион (от лат. *regio* — страна, область, округ) — область, часть страны или какого-либо большого пространства (материка, части света и др.), отличающаяся от других совокупностью естественных и исторически сложившихся экономических, социальных, культурных особенностей; группа близлежащих стран, представляющих собой отдельную экономико-географическую, этнокультурную, однотипную по социально-экономическому строю часть мира»².

Различия в подходах к определению регионов обнаруживаются также в зависимости от того, на каком уровне рассматривается данная проблематика. На уровне изучения феномена регионов в рамках отдельно взятого государства данное понятие можно обозначить как «значительную территорию, наделенную административно-государственным статусом, имеющую легитимную систему политической власти, единое правовое пространство»³. В рамках того же подхода можно привести следующее определение: «регион... включает в себя ряд основополагающих признаков: общую (определенную) территорию; определенное население; общность истории; общность природных условий; общность решаемых проблем, а все остальное зависит от тех задач, которые решает сам исследователь»⁴.

Иным подходом является изучение данной проблемы на наднациональном уровне, когда границы региона не ограничиваются частью какого-либо государства, а включают в себя сопредельные государства и/или отдельные их территории. Одним из приме-

¹ Ожегов И.С., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1993. — С. 695.

² Этнологический словарь. — М.: ИНФРА-М, 1996. — С. 124 — 125.

³ Парханина Г.Г. Геополитические прогнозы и Россия // Мировая экономика и международные отношения. — 1996. — №3. — С. 32 - 35.

⁴ Петров М.К. Регион как объект системного исследования / Южнороссийское обозрение. Вып. 32. — Ростов-н/Д, 2005. — С. 56.

ров внешнеполитической дефиниции понятия «регион» является следующее: «регион представляет собой группу стран, которые по многим очевидным параметрам больше взаимосвязаны друг с другом, чем с иными странами»⁵.

Х. Маккиндер приводит следующее определение региона: «регион – это комплекс, состоящий из земли, воздуха, флоры, фауны и человеческого населения, которые могут рассматриваться в их особых отношениях друг с другом и которые составляют вместе определенную и характерную часть поверхности земли»⁶. В данном определении преобладающими являются факторы окружающей среды, действующие же в рамках региона субъекты и специфика их взаимоотношений остаются за рамками рассмотрения.

Достаточно широкий спектр дефиниций объясняется тем, что к настоящему моменту в современной политической науке не сложилось единой точки зрения на то, согласно каким критериям следует определять границы региона и очерчивать круг субъектов, принимающих участие в региональном политическом процессе. Собственно, главной проблемой полемики является обоснованность использования критерия территориальности при изучении региона. При этом аргументы обеих сторон заслуживают самого пристального внимания, т.к. не являются в сути своей неверными. С одной стороны, существующие формы национально-территориальной идентификации остаются на данный момент и будут оставаться в обозримом будущем одними из наиболее значимых субъектов политических процессов в современном мире. Отдельные ученые отмечают, что территориальность является естественным способом организации подавляющего большинства современных обществ. Они также отмечают, что «в демократических или авторитарных странах, на Западе и в третьем мире, международные движения сегодня испытывают болезненный возврат к локальным формам за счет потери значительной части своей аудитории. Все универсальные братства, будь то коммунизм, исламизм или христианство, доказали свою неспособность ослабить привязанность человека к своему кусочку земли, который выступает в качестве фрагментирующегося, но тем не менее необычайно эффективного символа»⁷.

С другой стороны, в современном политическом процессе увеличивается число и возрастает значимость субъектов, чья деятельность в полной мере может быть проанализирована и спрогнозирована в рамках моделей, не привязанной к жестко заданной территории, включающей то или иное количество государств. Так, например, регионообразующим фактором могут являться проблемы, затрагивающие интересы различных акторов, при этом не обязательно касающиеся всей территории государств, территориально входящих в рамки региона. Подобными проблемами могут быть международные миграционные потоки, экономическое сотрудничество субъектов, находящихся в приграничных территориях различных государств, совместное освоение и использование природных ресурсов. Здесь можно привести точку зрения российских ученых А.В. Баранова и А.А. Вартумяна, утверждающих, что «политические регионы могут объединять части территорий различных государств или ряд административных единиц одной страны либо существовать внутри более обширных территориальных образований»⁸. Небезынтересной является также позиция, которая представлена в доктрине европейского интегрального федерализма. Суть ее сводится к тому, что в регионе может присутствовать какой-либо объединяющий политический организм, который взаимодействует с политически организованными территориями, то есть с автономными региональными объединениями⁹.

Представляется, что наиболее результативным при изучении регионов и региональных политических процессов станет подход, который будет органически сочетать

⁵ Deutsch K.W. On Nationalism, World Regions, and the Nature of the West // Mobilization, Center - Periphery Structures and Nation-Building. A Volume in Commemoration of Stein Rokkan / Ed. by Per Torsvik. – Bergen – Oslo – Tromsø, 1981. – P. 17.

⁶ Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. NDU Press Defense Classic Editions. – Washington, D.C., 1996.

⁷ Global Modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London; Thousand Oaks, CA, 1995. – P. 28 – 33.

⁸ Баранов А.В., Вартумян А.А. Политическая регионалистика: Курс лекций. Вып. 1. – М., 2003. – С. 17.

⁹ Фадеева А. Федералистская модель Европейского Союза // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 6. – С. 26 - 28.

признание территориальности как основного фактора, оказывающего в настоящее время влияние на политическое развитие мира, и растущую роль негосударственных субъектов, наднациональных образований и – что стало актуальным в последние годы – «актеров вне суверенитета». Схожую точку зрения высказывает американский ученый У. Айзард: «Иерархию регионов определяет только научная проблема... Регион детерминирован тем вопросом, изучением которого мы занимаемся»¹⁰.

Все это позволяет говорить о том, что регион – понятие достаточно относительное и как геополитическая конструкция зависящее от достаточно большого количества факторов, которые ни в коем случае нельзя сводить лишь к географическим. Как следствие, в современном мире выделяется множество регионов, каждый из которых является уникальным феноменом с присущими одному лишь ему особенностями. Одним из них является Закавказье, которое после развала Советского Союза в научных работах и публикациях средств массовой информации чаще называется Южным Кавказом.

Россия и Южный Кавказ были связаны в течение продолжительного исторического отрезка, причем отношения эти базировались на взаимном интересе. Народам, проживавшим на территории Закавказья, была необходима защита от притеснения со стороны Турции и Персии (на тот период большую часть населения региона составляли христиане)¹¹. Со стороны России существовала потребность расширения своей территории к устойчивым в естественно-географическом плане границам. Данная потребность диктовалась значительным географическим положением российского государства – обширными равнинными пространствами, которые не могли служить защитой от нападения со стороны геополитических конкурентов.

Началом включения территории Закавказья в Россию можно назвать обращение грузинского царя Ираклия в 1783 г. с просьбой о присоединении Грузии. В 1803 г., в соответствии с завещанием грузинского монарха, Грузинское государство вошло в состав Российской империи. За ней последовали княжества Гурия, Имеретия, Менгрелия. Далее, в результате войн, навязанных российскому государству Персией и проигранных ей, к России отошли ряд восточных ханств, в числе которых были Бакинское, Нахичеванское и Шемахинское княжества.

Так, было сформировано и в течение почти двухсот лет достаточно гармонично развивалось южное направление геополитической структуры Российского государства. Ситуация кардинально изменилась с распадом союзного государства. Вследствие ряда причин Россия была вынуждена сузить сферу своего влияния. Образовавшийся «вакуум» был заполнен как региональными, так и внерегиональными «игроками», что в итоге привело к целенаправленному вытеснению ее из ранее подконтрольных территорий. Эти процессы привели к нарушению исторически сложившегося геополитического и стратегического равновесия в кавказском регионе и возникновению здесь во многом качественно новой геостратегической ситуации, неблагоприятной по ряду параметров для национальных интересов и безопасности России. Потеря Москвой позиций в этом регионе не привела к положительным последствиям и для народов, населяющих Азербайджан, Армению и Грузию, где в последнее десятилетие прошлого века актуализировался ряд кровопролитных конфликтов, дестабилизировавших обстановку как внутри государств, так и на международной арене, разрушивших нарабатывавшиеся в течение долгого времени экономические связи.

Политический процесс на Южном Кавказе на современном этапе определяется рядом характерных особенностей, среди которых можно выделить следующие: продолжающийся системный кризис в экономике закавказских государств при отсутствии значительной положительной динамики в его преодолении; наличие неразрешенных межгосударственных и межнациональных конфликтов; постоянно нарастающее присутствие и участие в политических процессах региональных держав – Ирана и Турции – и внерегиональных сил, таких как США, ЕС, НАТО, ОБСЕ; отход во внешнеполитической деятельности от пророссийской ориентации в пользу прозападной линии внешней политики, в разной степени свойственный государствам региона; специфические особенности механизма смены и развития политических элит новых независимых государств. Все эти про-

¹⁰ См. Isseman A.M. Lost in Space? On the History, Status, and Future of Regional Science // *The Review of Regional Studies*, 1993. – Vol. 23. – № 1. – P. 5 - 6.

¹¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 5. Лекция XXXII. – М., 1989. – С. 154.

цессы тесно взаимосвязаны и в своей совокупности являют собой клубок трудноразрешимых противоречий.

Пожалуй, можно с уверенностью констатировать, что существующие конфликты – армяно-азербайджанский, грузино-абхазский и грузино-осетинский – стали к настоящему моменту своеобразной визитной карточкой, одной из наиболее специфических черт региона. Их негативные последствия (миграционные потоки, отрицательное влияние на экономику) столь же очевидны, как и тот факт, что урегулирование этих конфликтов – это процесс чрезвычайно сложный и неоднозначный. Причем сколько-нибудь значимых результатов в ближайшем будущем ожидать не приходится. Жесткие, безапелляционные позиции непосредственно вовлеченных в противоборство сторон, несогласие отступить от продекларированных позиций и пойти на уступки оппонентам неизменно заводят переговорный процесс в тупик.

Конфликт вокруг Нагорного Карабаха является, пожалуй, наиболее масштабным и разрушительным на территории Южного Кавказа. Развал Советского Союза снял существовавшие на тот момент ограничители, и конфликт перешел в новую фазу – межгосударственную. При этом участниками этого противоборства де-факто являются три стороны: Азербайджанская Республика, Республика Армения и официально не признанная Нагорно-Карабахская республика. Результатом четырехлетнего вооруженного противостояния явились потеря Азербайджаном контроля над Нагорным Карабахом и рядом других районов, разрушительные процессы в экономике всех вовлеченных в конфликт сторон, массовые миграционные потоки, которые еще больше дестабилизировали ситуацию внутри Армении и Азербайджана, а также оказали и оказывают в настоящее время определенное деструктивное влияние на социально-демографическую ситуацию соседних государств – России, Ирана и Турции.

Уже к середине 1990 г. Госкомстатом Азербайджана в республике было зарегистрировано порядка 233 тыс. беженцев¹². Ситуация с беженцами значительно изменилась в течение 1993 г., к концу которого армянские войска захватили ряд территорий Азербайджана. Если в начале года официальные власти Баку заявляли, что на ее территории зарегистрированы 243 тыс. вынужденных переселенцев, то к концу года эта цифра выросла на 535 тыс. человек и составила 778,5 тыс. По данным Госкомстата республики на 1 апреля 1998 г. число беженцев составляло 233 тыс. человек, а вынужденных переселенцев – 611 тыс. человек, что в сумме составляло 11% населения республики. По данным ООН, число беженцев и вынужденных переселенцев составило на тот момент 782 тыс. человек¹³. К настоящему моменту ситуация принципиально не изменилась. Немалая часть беженцев уехала в соседние страны, в том числе и в Россию, часть смогла приспособиться и осталась в Азербайджане.

Все эти процессы не могли не обострить политическую и социально-экономическую ситуацию в стране. Ситуация, сложившаяся в вопросе беженцев и вынужденных переселенцев, во многом объясняет ту бескомпромиссную позицию, которую занимает азербайджанское руководство в переговорах по поводу статуса Нагорного Карабаха.

Похожая ситуация сложилась в Армении. Правительство Армении официально заявило, что на конец 1993 г. в стране зарегистрировано порядка 419 тыс. лиц, пострадавших в результате армяно-азербайджанского конфликта, из них 335 тыс. человек – это беженцы из Азербайджана¹⁴. По другим данным, на 1995 г. в стране насчитывалось 411 тыс. лиц, пострадавших в результате конфликта, что составляло 11% населения Армении¹⁵. Отсутствие у весьма значительной части населения страны жилья и работы, проблемы интеграции и адаптации способствуют сохранению социальной напряженности в обществе, давлению на власть.

¹² Мукомель В. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // Население и общество: Инф. Бюл./ЦДЭЧ РАН. – М., 1997. – № 327. – С. 3.

¹³ UNHCR, Refugees and Others of Concern to UNHCR. – 1996: Statistical Overview. – Geneva, July 1997.

¹⁴ UNHCR, Population of Concern to UNHCR: A Statistical Overview 1993. – Geneva, May 1994.

¹⁵ Приоритеты стран СНГ: Материалы региональной Конференции по рассмотрению вопросов беженцев, недобровольно перемещенных лиц, других форм недобровольных перемещений и возвращающихся лиц в странах СНГ. – Минск, 1996. – С. 3.

На территории Грузии миграционные потоки связаны с абхазским и югоосетинским конфликтами. Вооруженные действия между Южной Осетией и Грузией, длившиеся на протяжении полутора лет, привели к тому, что порядка 20 тыс. человек в пределах самой Южной Осетии были вынуждены покинуть места постоянного проживания, от 50 до 60 тыс. человек выехало в Северную Осетию, порядка 16 тыс. грузин покинуло территорию Южной Осетии¹⁶. Результатом абхазского конфликта стало перемещение из Абхазии порядка 119 тыс. грузин¹⁷. Внутри грузинского государства эти процессы породили те же последствия, что и в Азербайджане и Армении. Отсутствие возможности нормальной интеграции в мирную жизнь на новом месте, кризисное состояние экономики поставили беженцев в положение, когда самой актуальной проблемой становился вопрос физического выживания.

В отношении южнокавказских конфликтов особенно остро стоит вопрос их окончательного урегулирования. Комплекс существующих противоречий достаточно ярко иллюстрирует пример армяно-азербайджанского противостояния. Несмотря на то, что к процессу урегулирования конфликта подключилось множество третьих сторон, среди которых есть обладающие значительным весом на международной арене (Россия, США, Евросоюз, Совет Европы, ПАСЕ), реальных продвижений на пути разрешения затяжного конфликта нет. Пожалуй, единственным значительным достижением за последние 13 лет является прекращение огня, во многом достигнутое благодаря российской дипломатии, и подержание существующего хрупкого перемирия в действии.

Официальная позиция Азербайджана рассматривает карабахский конфликт с позиции территориальных притязаний Армении и поэтому апеллирует к одному из важнейших принципов международного права – принципу нерушимости границ. А именно тех границ, которые были признаны международным сообществом при приеме Азербайджанской Республики в ООН в административных границах союзной республики (бывшей Азербайджанской ССР). При этом азербайджанское руководство отказывается вести переговоры с представителями Нагорного Карабаха как самостоятельного субъекта международной политики, заявляя, что он не обладает соответствующим статусом и является одной из территорий, захваченных Арменией.

Армянская сторона также апеллирует к международному праву, а именно праву народов на самоопределение. Данная точка зрения находит отклик у ряда западных специалистов. В частности, немецкий ученый О. Лукхтерхандт пишет: «В исключительных случаях, т.е. когда национальное меньшинство дискриминируется в невыносимой форме, тогда право самоопределения в форме права на сецессию имеет первенство над суверенитетом государства, которого оно касается. В рассматриваемом случае право Азербайджана на суверенитет теряет вес по сравнению с правом на самоопределение (право сецессии), потому что Азербайджан сам только что стал свободным от распущенного СССР, используя свое право на самоопределение»¹⁸.

Таким образом, разрешение конфликта с позиции существующих норм международного права представляется скорее тупиковым вариантом. Более перспективным, на наш взгляд, представляется путь политического урегулирования. Хотя, как это ни прискорбно, исключать ситуацию, когда одна из сторон попытается решить вопрос силовым путем, нельзя.

Похожая ситуация, характеризующаяся бескомпромиссностью сторон, максимализмом ожиданий в отношении результатов, сложилась и в разрешении грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. При этом прослеживается достаточно тревожная тенденция: западные державы и организации стараются перехватить инициативу в урегулировании конфликтов на территории Южного Кавказа и отстранить Россию от участия в данных процессах. Эти попытки находят отклик у руководства Азербайджана и Грузии, которые надеются, что это позволит им разрешить существующие противоречия

¹⁶ Бадурашвили И.Н., Гутушвили Т. Вынужденная миграция в Грузии // Миграционная ситуация в странах СНГ. – М., 1999. – С. 113 - 114.

¹⁷ Там же. – С. 115.

¹⁸ Lukhterhandt O. Nagorno Karabakh's Right to Independence According to International Law. – Boston, 1993.

в свою пользу. При этом, как показывает практика, Запад не в состоянии предложить хоть сколько-нибудь эффективные схемы урегулирования конфликтов и ограничивается общими декларациями о необходимости придерживаться политических путей решения существующих проблем.

Отличительными особенностями государств (как признанных, так и нет) Южного Кавказа являются общие черты, свойственные их политическим системам, а также механизмы смены и развития элит. В той или иной степени всем странам Закавказья присуща слабость политических институтов. Подавляющее большинство правящих режимов, существующих на данный момент в регионе, пришли к власти с нарушением демократических норм в результате кризисов власти, которые во многом явились результатом имевших место конфликтов. Режимы Г. Алиева, М. Саакашвили – все они встали во главе государства с нарушением конституционных основ своих стран.

При этом правящие группировки опираются при осуществлении своей власти на те или иные неофициальные механизмы. Примерами могут выступить правящая элита Азербайджана, которая опирается на так называемый «Нахичеванский клан», или «клан» бывшего президента Абхазии В. Ардзинбы, который помимо властных рычагов контролировал наиболее прибыльные сектора экономики республики⁴⁹.

Единоличный контроль властвующих элит над властными и экономическими ресурсами, отсутствие правовых механизмов согласования интересов власти и оппозиции в закавказских государствах, крайне слабый уровень ротации управленческих кадров как следствие клановости власти – все это делает крайне проблематичным обновление и развитие политических систем стран Южного Кавказа конституционным, законным путем. В результате у сил оппозиции фактически не остается возможности осуществлять политическую борьбу другим путем, кроме «революционного». Сюда можно отнести и выступления оппозиции в Азербайджане осенью 2003 г. после избрания президентом И. Алиева, и способ прихода к власти М. Саакашвили – знаменитая «революция роз».

Таким образом, отличительной особенностью региона Южного Кавказа является наличие неразрешенных противоречий как межгосударственного, так и межнационального характера. Именно эти конфликты, которые на данный момент находятся в замороженной стадии, во многом определяют политическую и геополитическую карту Закавказья и являются источником активных действия внешних по отношению к региону субъектов, которые зачастую включаются в политические процессы Южного Кавказа под предлогом участия в урегулировании конфликтов.

THE SPECIFIC PECULIARITIES OF POLITICAL PROCESS IN THE SOUTH CAUCASUS

A.V. ONUFRIYCHUK

Pyatigorsk State Linguistic University

e-mail:
alex-postbox@yandex.ru

The special importance is provided to the term “region” regarding to the modern political science as well as to the existing practice of region fragmentation in the global context. The specific peculiarities of current political process in the South Caucasus subregion is the major goal of the article analyses.

Key words: region, globalization, political process, South Caucasian, regional conflicts, migration flows, political elite.

⁴⁹ Силаев Н. Внутриполитический кризис в Абхазии (октябрь 2004 г. – январь 2005 г.) и российская политика на Южном Кавказе // Аналитические записки. Уроки кризиса в Абхазии. – М., МГИМО (У) МИД России. – 2005. – № 7(9). – С. 4.